

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(краткие сообщения и автоаннотации)

II

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

как в силу своей древности, так и в силу ударности гласного, входящего в состав анлаута нисбн jr.j.

¹ RÄPN. I. 204, 16 - Ranke, H., Die ägyptischen Personennamen, Bd.I, Verzeichnis der Namen, Glückstadt, 1935; ЕКМАВ 14 - Ranke, H., Keilschriftliches Material zur altägyptischen Vokalisation, АРАВ, 1910, Philos-hist. Classe, Anhang, Abh.II; АСМЕР N° 35 - Albright, W.F., Cuneiform Material for Egyptian Prosopography, 1500-1200 B.C. JNES 5/1, 1946 (7-25); ЕККУАВ N° VI - Edel, E., Neue keilschriftliche Umschreibungen ägyptischer Namen aus den Bogazköytexten, JNES 7/1, 1948 (11-24). Имя следует переводить "Красота/красавица его/ее (?)", где первый компонент - субстантивированное прилагательное или имя абстрактное.

² GEG² 87-88, § II3, 2 - Gardiner, A.H., Egyptian Grammar, 2-nd ed., L., 1950; E.I. 149, § 347, 2 - Edel, E., Altägyptische Grammatik, Roma, Analecta Orientalia 34, 1956, Teil I; ЕННКР 18, 25 - Edel, E., Die Herkunft des neuägyptisch-koptischen Personalsuffixes der 3. Person Plural - w., ZÄS 84, 1959 (17-38).

³ Поскольку знак P1 в ср.-вав. не различал гласных и из инвентаря wa, wi, we, wu более всего (с оглядкой на написание -u-gu) в данном случае подходит значение wu, см. АСМЕР 19, № 45 и приложение И.М.Дьяконова к нашей статье "Материал по вокализации..." Предположение о существовании вариантов не наше, а Г.Ранке и У.Олбрита.

З.А.Дсупова

КОНСТРУКЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЮЖНОКУРДСКОМ ДИАЛЕКТЕ СУЛЕМАНИ

В сулемани^I в зависимости от семантики глагола могут быть выделены следующие типы предложений:

I. Конструкция, образуемая при непереходном глаголе во всех временах и переходном в формах настоящего времени. Глагол данной структуры имеет флексивные окончания, согласующиеся в лице

и числе с субъектом действия. Прямой объект обычно следует за субъектом. И тот и другой никак не оформляются: ew hat 'он пришел', ew epîsê 'он пишет', ew namê epîsê 'он пишет письмо'. Во всех случаях субъект действия может быть опущен.

II. Конструкция, образуемая при переходном глаголе в прошедших временах, где в качестве личных показателей используются отдельные энклитические местоимения, которые могут присоединяться к любому члену предложения (исключая субъект): ew nûsî 'он написал'; ew namêu nûsî 'он написал письмо'; lew mâley dizî 'он украл в том доме'; ruaweke zogî wut jineke kemî 'bîst 'муж много говорил, жена мало слушала'. Следует, однако, подчеркнуть, что сильной позицией субъектного показателя является позиция при прямом объекте: inca min namên be to nûsî 'затем я написал тебе письмо' (в данном примере при наличии косвенного объекта и адвербиального слова субъектный показатель стоит при прямом объекте). В описываемой конструкции субъект действия также может опускаться.

Особую конструкцию переходные глаголы в прошедших временах образуют при косвенном объекте, выраженном глагольным окончанием, когда субъектный показатель примыкает к предлогу²: rêw wutin 'я сказал им', ср. эту же конструкцию с глаголом в форме настоящего времени, где функция той же энклитики (I-го л. ед.ч. = w) — косвенно-объектная: rêw eîên 'они скажут мне'.

Привлекает также внимание конструкция с переходным глаголом в форме 3-го л. мн.ч. прошедшего времени, образующая неопределенно-личное предложение: uekîkuan birduan bo ekerî 'одного из них забрали в армию'; inca kuîeuan hêna 'затем привели сына'. Ср. аналогичные конструкции с глаголом в формах настоящего времени: esreke ehênin 'приводят коня'; kuîeke eben 'мальчика заберут'. Сходное явление отмечено и в курманджи³.

Таким образом Конструкция II отличается от Конструкции I: а) использованием в качестве личных показателей глагола энклитических местоимений; б) возможностью выражения косвенного объекта личными окончаниями глагола⁴. Функционально эти конструкции тождественны: обе они активны по семантике, характеризуются субъектным спряжением и одинаковым оформлением субъекта и объекта действия независимо от видо-временных форм глагола. Отмеченные же отличительные признаки Конструкции II могут рассматриваться как следы эргативной конструкции. Это, возможно,

подтверждается обнаруженными нами редкими случаями объектного согласования: *Mewlû dû keleşîrî xirtî girt u qaçekanî bestin u le ser bare dar fifê dan* 'Мавлу поймал пару крупных петухов, связал им лапки и бросил их на вязанку дров'; *le raça îuy zawake kind u çeçekanî girtin* 'затем он повернулся к младенцу, взял его ручонки и ...'; *le geîşîya ekewte yarî kirdin bew sê qelemey be destî enqest le ber demî xoya daynabûn* 'одновременно он перебирал рукой те три карандаша, которые специально положил перед собой'.

В зафиксированных примерах при субъекте в ед.ч. глагол имеет форму мн.ч., согласованную с множественным числом объекта. При этом реальный субъект действия выражен энклитическим местоимением соответствующего лица и числа. Иначе говоря, налицо сочетание объектного спряжения с местоименными энклитиками, как личными показателями субъекта действия. Окказиональное употребление объектного согласования отмечено и в диалекте мукри⁵.

Ш. Конструкция, образуемая с глаголами наличия *hevûn*, *bûn* 'иметься'. Данная конструкция, обнаруживая полное структурное сходство с Конструкцией II, вместе с тем выражает совершенно иные отношения, ср.: *min kitêbim heye* 'у меня есть книга', и *min kitêbim hêna* 'я принес книгу'⁶.

По типу Конструкции III строятся и предложения с глаголами состояния: *min serim êşê* 'у меня болит голова'. Данный тип предложения в указанной статье И.А.Смирновой рассматривается как выделительная конструкция, в которой, по мнению автора, выделенный член предложения (в данном примере *min*) дублируется энклитическим местоимением (-м). Однако, более логичным представляется толкование этой структуры (как впрочем и структуры с глаголами наличия) как конструкции, выражающей косвенные отношения⁷: *merexe awî ewê* 'рисовым полям необходима вода'; *min hiçim namewê* 'мне ничего не хочется'; *to mêrdit nîye* 'у тебя нет мужа'; *dû şahîdî heye* 'у него есть два свидетеля' (в последнем примере субъект опущен).

Сходные конструкции образуются и при именном предикате, выражающем состояние субъекта действия или присущий ему тот или иной признак: *min çawêkim şûşeye* 'у меня один глаз стеклянный'; *mêxeke bonî xoşe* 'у корицы приятный запах'; *min tînûme* 'мне хочется пить'; *kuçekani katî jinênanayan bûe* 'его сыновьям

пришла пора жениться' и т.д.

Не исключено, конечно, что Конструкция Ш употребляется и для выделения того или иного члена предложения. Однако этот вопрос требует специального исследования.

IV. Конструкция с пассивной формой глагола (зафиксированная преимущественно в формах 3-го л. ед. или мн.ч.)⁸.

Выделяются два типа пассивной конструкции: а) пассив субъектно-объектный, содержащий как субъект, так и объект действия. Субъект действия оформляется предложно-последовательным сочетанием *le lauen ...ewe* 'со стороны' (при обозначении лица) или предлогом *be* 'с' (при обозначении как лица, так и предмета). Глагол согласуется в лице и числе с объектом: *nameke le lauen xîakîuwe xwênapawewe* 'письмо было прочитано его сестрой'; б) пассив объектный, где субъект действия опущен, но назван испытывающий действие объект, согласующийся с глаголом: *kiçekan ewêne mâle raça* 'девушек увозят в дом падишаха', ср.: *wibeunê euyen* 'завтра увезут его', где глагол употреблен в форме 3-го л. мн.ч. действительного залога. По значению оба эти предложения близки к неопределенно-личному.

Резюмируя изложенное, можно сделать выводы: I. В сулемани выделяются конструкции, характерные для большинства иранских языков. 2. На материале сулемани наблюдается общая историческая тенденция иранских языков к исчезновению различий в спряжении переходных и непереходных глаголов и связанной с этим контаминации различных конструкций и их перестройке по типу обычных номинативных структур.

¹ Следует иметь в виду, что в сулемани именная флексия полностью утрачена.

² Подробно см.: З.А.Дусупова, Функции местоименной энклитики *ê* в курдском языке (на сравнительном материале южного и северного наречий). Сб. "5-ая Межвузовская научная конференция по иранской филологии". Душанбе, 1966, с.30-37.

³ См.: И.И.Пукерман, Очерки курдской грамматики. Сб. "Иранские языки II". М.-Л., 1950, с.81-98.

⁴ Это послужило основанием для толкования данной конструкции некоторыми исследователями как варианта эргативной конструкции. См.: Л.А.Пирейко, Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М., 1968.

⁵ См.: К.К.Курдоев, Сравнительная грамматика курдского языка по материалам курманджи и сорани, Диссертация на соискание ученой степени докт. филол. наук., М. 1965.

⁶ Подробно см.: И.А.Смирнова, О характере спряжения переходных глаголов в прошедшем времени в курдских диалектах центральной группы. Сб. "Эргативная конструкция предложения в языках различных типов". Л., 1967, с. 142-148.

⁷ Ср. аналогичные конструкции в других иранских языках. См.: Д.И.Эдельман, О конструкциях предложения в языках различных типов. "Вопросы языкознания", I, М., 1974.

⁸ Пассивные глаголы спрягаются по типу непереходных глаголов,